

НАТАЛИЯ МУСИНОВА

Ника Самофракийская

повесть

Эдик учится в институте кинематографии на режиссера-сценариста. Третий год живет в старом доме в центре Москвы у бабушки Агриппины Власьевны – вдовы известного скульптора Тминова. В свои девятнадцать лет он полон творческих идей и жаждой познать полноту бытия. Он любит этот мегаполис, несмотря на то, что большую часть жизни прожил в провинции, где и остались его родители, скучая по единственному сыну.

Он весьма одарён, что вызывает радость у преподавателей и зависть у сокурсников. Красота, ум и независимость взглядов отличают его от многих. Буквально приняв тезис: «истинный художник обязан познать жизнь изнутри, во всех её проявлениях», – Эдик пьёт с бомжами, гоняется на мотоцикле с рокерами, слушает Black metal с личностями неопределенной наружности, покуривает марихуану и изучает Камасутру. Но чем больше он так живёт, тем меньше понимает: зачем?

«Доступность всех удовольствий притупляет остроту восприятия, обкрадывает человека, расслаивая его целостность. Так неординарность легко превращается в посредственность. Сколько людей пострадало оттого, что они не смогли побороть в себе соблазн – быть как все. А талант требует жертв. Он крепнет в содружестве с сильным характером. Он расцветает от постоянной работы души...»

– Чушь собачья! – выпалил Эдик, захлопнув книгу и выходя из метро.

Но, сам не зная почему, он нет-нет да и обращается к этой странной книге, которую даже не вынимает из своего стильного рюкзака. А нашел он её среди старых вещей на чердаке дома. Книга была без обложки, кто автор – неизвестно. Баба Агриппа тоже не

признала в ней что-либо знакомое. Так и читает Эдик старую книгу без автора и названия.

– Эдюнь, ты? Что-то рано сегодня, – сказала Агриппина Власьевна, снимая очки.

– Привет, Ба! Есть что-нибудь поесть? – спросил Эдик, сбрасывая кроссовки и кидая куртку на вешалку.

– Сейчас подогрею...

Эдик прошел в кухню, сел на табуретку и уставился в окно.

– Небо такое весеннее... – тихо произнёс он, подпирая голову рукой.

– Отчего тоска во взгляде? – спросила баба Агриппа, помешивая жареную картошку на шипящей сковородке.

– «Там... в древнерусской тоске...» – пропел Эдик голосом Гребенщикова.

– А всё же?

– Надоело всё!

– Вот те раз!

– Понимаешь, баб, у меня такое ощущение, что в мире не осталось тайн и запретов. Всё так просто, так очевидно... Я боюсь нового дня, потому что знаю: он мой. Я всё могу. Я – лучший!

– Кто тебе это сказал, Эдь? – всплеснула руками бабушка.

– Все! И преподаватели, и друзья...

– А ты с ними не согласен? – лукаво спросила Агриппина Власьевна, подавая внуку обед.

– Не то чтобы не согласен... – он подошел к зеркалу, рассматривая себя.

– И рост, и мускулы, и осанка – всё при тебе! А эти итальянские кудри! – улыбнулась бабушка, погладив внука по чёрным вьющимся волосам, спадающим на плечи.

– Это внешняя оболочка! Мне кажется, никто не знает, какой я на самом деле, что я значу как творческая личность. Да я и сам стал забывать... На вот 1000 долларов... – равнодушно произнес Эдик, протягивая деньги бабушке.

– Значит, журнал всё-таки взял твой сценарий? – восхитилась Агриппина Власьевна. – А ты всё на судьбу жалуешься...

– Я написал такой сценарий, который им хотелось прочитать. Понимаешь? Им! Не мне! А я ведь размышляю совсем о другом... Иными категориями живу... Но я настоящий им не нужен! Мне даже захотелось расторгнуть контракт, но вовремя одумался, вспомнив, что мы с тобой хотим вложить деньги в создание музея-квартиры деда...

– Это благородно с твоей стороны... – прошептала бабушка, и в её глазах появились слёзы. – Вениамин Саввич был бы очень растроган...

– Я для деда всё сделаю! Он человек! Он не изменил себе! Не сломался! Выстоял! Победил в войне, в борьбе с режимом...

– Что же ты никогда не говоришь об отце и матери?

– Ну почему? Они славные люди, я их люблю... Но таких, как они, – миллионы. А скульптор Тминов – один на миллион! Понимаешь, ба? Он – движущая сила! Он – часть механизма под названием «история»!

– Эдюнь, поешь картошечки с котлеткой, остывает.

– Ба! Я тебе о высоком, а ты мне о «картошечке»!

– Ладно, не ругайся, дедов внук! До чего же вы с ним похожи!

Эти слова вызвали у Эдика одобрение, и он с аппетитом принялся за трапезу.

После обеда молодой человек взял свою «нелюбимую» книгу и пошел в мастерскую деда. Открыл тяжелую дверь – и глаза ослепил живущий здесь радостный свет... Свет от весеннего солнца проникал сквозь множество огромных окон этого просторного полукруглого помещения на последнем этаже дома. Смелые лучи ласкали обнаженные прелести гипсовых совершенств.

– Всё белое и сияющее... – тихо произнес Эдик, в сотый раз любуясь скульптурами деда. – Как настоящие... Нет, лучше! Чистые и непорочные, созданные творцом Тминовым, замерли вы здесь, в старой мастерской, и думаете, что мир – это восемь

стеклянных окон, за которыми плывут и плывут куда-то разноцветные облака.

Эдик мечтательно подошел к своей любимой скульптуре «Нике». Это была копия, только с головой и другими восстановленными элементами фигуры, с античного шедевра – «Ники Самофракийской». Стройная крылатая фигура в развевающихся одеждах словно слетела с небес, в её застывшей позе было столько экспрессии... Эдику рассказывали, что для головы «Ники» Тминов избрал в качестве модели реальную девушку, выражающую своим движением порыв, жажду счастья и уверенность в победе. Но имени натурщицы так и не удалось выяснить. Да и сам дед, похоже, не особенно хотел этого...

Эдик погладил «Нику» по греческим сандалиям и чуть отошел, чтобы ещё раз полюбоваться шедевром.

– Хочешь, я прочитаю тебе стихи моего любимого Николая Гумилёва? – неожиданно предложил Эдик.

«Ника» безучастно молчала.

– Я всё равно прочитаю. Слушай!

В час моего ночного бреда
Ты возникаешь пред глазами -
Самофракийская Победа
С простертыми вперед руками.

Спугнув безмолвие ночное,
Рождает головокруженье
Твоё крылатое, слепое,
Неудержимое стремление.

В твоём безмолвно- светлом взгляде
Смеётся что-то, пламенея,
И наши тени мчатся сзади,
Поспеть за нами не умея.

При произнесении последних строк Эдик услышал шумный шелест крыльев... Это стая голубей прилетела на подоконник, воркуя и радуясь теплу.

«Талантливому человеку надо понять, что он – другой, нежели его окружение. Поэтому он чаще всего не получает удовлетворения от того, что радует всех. Он избранный... И это никакая не теория каст, просто он – одарённый. А дар мало воспринимать как данность, дар – это ещё и ответственность...»

– читал Эдик безымянную книгу, раскачиваясь в плетеном дедовом кресле в окружении гипсовых совершенств.

– «Дар – это ответственность»... Перед кем ответственность? Вряд ли об этом думал Гойя или Дали... А может быть, и думали... То есть художник дает ответ за свою «особость»... А дед, интересно, это осознавал? Наверное... Он всегда говорил мне раньше: «Эдинька, если в тебе проснётся талант и ты займёшься творчеством, помни, что встанешь на трудный путь: тебе нужно будет преодолеть и лес, и пустыню, и горный камнепад, и бурную реку, и бескрайнее море, прежде чем ты создашь славное произведение...». Что это за природные красоты, и как их разгадать? Неужели, творчество – это борьба? Кого с кем, за что? – думал вслух Эдик, вглядываясь в крылатый образ древнегреческой богини.

Стемнело.

– Баба Агриппа! Завтра ко мне придут друзья. У нас будет вечеринка. Ну, ты... понимаешь? – не договорил Эдик.

– Конечно, конечно. Я уйду к соседке Люде. Вы гуляйте! Только мастерскую закроем. Мало ли что... – напутствовала внука Агриппина Власьевна.

На следующий день к обеду к Эдику завалилась шумная компания: друзья – студенты из его группы. Пили пиво и водку, курили прямо в гостиной.

– Какая убогость! – произнесла Катя, разглядывая уже пьяными глазами старую мебель Тминовых.

– Не нравится, Катюх, не смотри! Я тебя сюда жить не приглашаю,

– заявил Эдик, танцуя с Маринкой медленный танец на коленях.

Девушка безудержно хохотала, пытаясь держать равновесие, но всё время падала, показывая до неприличия обнаженные ноги.

– Катюха, скажи, вот твой отец – известный режиссер, а ты, извини, – полная бездарность! Чё ты поперлась в наш институт? Шла бы на бухгалтера, деньги ты считать хорошо умеешь, – предложил толстый Саня, сняв майку, демонстрируя собравшимся мощную татуировку на жирной спине в виде двуглавого орла.

– Слушай, чудо радиации! Тебя забыла спросить, что мне делать, как мне быть. Я девушка самостоятельная, – отреагировала Катюха, облокотясь на комод, так как была уже изрядно пьяна.

– О-о-о! Само-стоятельная! Видали? «Я без папочки, словно лапочка»! – пропел сутулый Серёга и залез Катюхе под кофту.

Та абсолютно не отреагировала, продолжая медленно оседать на пол, Серёга вместе с ней. Остальные парни и девчонки кто где обнимались по углам.

Эдик отстал от Маринки, так как она повалилась на ковёр с совершенно тупым выражением лица и стала задирать ноги, что привлекло к ней внимание Антона и Гришки. Они стали снимать с неё юбку... Маринка, прочухав это, вдруг неожиданно заплакала, назвав их извращенцами, и, прикрывая полуголые части тела, поползла в коридор, парни – за ней.

Эдик смотрел на эту знакомую картину с нескрываемым отвращением. И тут он заметил в углу на пуфике двух тихих и почти трезвых девушек: Ирочку и Светочку. Они интеллигентно кушали десерт и о чём-то переговаривались. Эдик подошел к ним.

– Девчонки, скучаете? Пойдёмте со мной в спальню, развлечёмся – ночь наша! – предложил Эдик, надеясь, что они съездят ему по физиономии.

– Ты что, Эдик! За кого ты нас принимаешь?! – возмутилась Ира.

– И ты туда же! А мы думали, ты – личность, а ты – быдло! – оскорбилась Света.

– Девчонки, ведь бесплатно... Сто баксов каждой! – неожиданно предложил Эдик, доставая деньги из комода и кладя на стол.

– Хам! – возмутились они.

– Двести!

– Урод моральный, мы не продаёмся!

– Триста!

– Нет, посмотрите на него, он думает, что всё может, что он – лучший!

– Четыреста! – и Эдик выложил 800 долларов.

Девки притихли, запереглядывались, заелозили на бархатных пуфиках. Светка что-то шепнула на ухо Ирке, та облизнулась, как облизываются в порнофильмах, и изобразила какую-то идиотскую улыбку.

Воцарилась тишина. Те, кто ещё не свалились и могли что-то соображать, подтянулись к «аукциону», на котором продавались две молодые девушки.

– Тысяча долларов! По пятьсот каждой! – металлическим голосом продолжал торг Эдик.

«Жертвы» молчали, кусая губы.

– Тысяча – раз! Тысяча – два! Тысяча – три!

Девки как воды в рот набрали. Эдик выдержал паузу по-Станиславскому и равнодушно произнёс, внутренне радуясь тому, что в некоторых девушках ещё остались честь и достоинство:

– Нет так нет! – сказал он, собрал деньги и стал складывать их в карман.

– Мы согласны, Эдик, мы согласны! – выкрикнули «скромницы» и жадно потянулись за деньгами.

Эдик опешил:

– Всё! Мир сошёл с ума... Пошли вон!! Нужны вы мне, как же! – заорал Эдик, брезгливо отмахиваясь от очумевших девчонок. – Все, вон! Вон!! Не хочу больше никого видеть!

У Эдика был такой дикий взгляд, что все потихонечку покинули квартиру. Некоторых, правда, пришлось выносить.

Эдик, оставшись один, быстро протрезвел, так как и пил мало, и не перед кем было выпендриваться.

– Куда мы катимся? Ничего святого! Всё продаётся! Всё покупается! – твердил он, выметая кучи грязи из гостиной. Ему стало стыдно и за себя, и за своих друзей. – А что бы подумал дед?

С этими словами он открыл окно. Прохладный апрельский воздух освежил помещение.

– Хорошо... – вдохнул Эдик, включил настольную лампу и открыл книгу.

«Если бездарный человек создаст какую-то глупость, нелепость, то от этого не будет большого вреда. А вот если одарённый создаст несуразность, недодуманность, недовоплощенность или ещё какое-либо «не» по причине лени, самолюбования или похмельного синдрома, то это произведение может очень сильно навредить не только автору, но и обществу, и мировой культуре в целом».

– Эко хватил! А если вдуматься... Всё это: и бездеятельность, и гордыня, и желание уйти в другую реальность – есть во мне... Значит, и я что-то недодумываю, недовоплощаю. А время идёт... Как быстро идёт время... Мне – девятнадцать, а кажется, что я уже старик... Столько повидал, но прочувствовал ли? Нет! Душа не задействована... Только тело. Страшно. Я теряю себя! Вокруг – одинаковость, посредственность, массовость – лес, тёмный, непролазный... Хочется выбраться!

Эдик заснул всего на несколько часов, но выспался. Встал бодрым.

– Собирайся скорей, опоздаешь! – заботилась вернувшаяся баба Агриппа.

– Уже опоздал... Пойду пешком! К третьей паре успею.

Он побрёл по чистым московским улочкам, думая о чём-то... Свернул. Полез проходником. Опять свернул. Тупик! Снова свернул, прошел немного в сторону... И понял, что вышел куда-то не туда. Старые здания, тёмные дворики. Арка... И опять – здания, дворики, арка...

– Странно! Неужели заблудился? – хотел спросить, где он, но прохожих, как назло, не было. – Ладно, пойду через арку.

За ней оказался большой продолговатый двор: старые качели, скамейки, песочница – и повсюду – деревья и кустарники с проклёвывающимися зелёными листочками.

– Никогда здесь не бывал! Откуда взялся этот двор? – Эдик посмотрел на часы. – Всё, опоздал, нет смысла спешить.

Он присел на скамейку, откинулся на спинку и закрыл глаза.

– Припекает... – подумал Эдик и почувствовал, что кто-то на него смотрит.

На другой стороне аллеи на скамейке сидела молоденькая девушка и что-то рисовала, поглядывая на незнакомца.

Эдик встрепенулся и важной походкой подошел к ней.

– Разрешите присесть, су-у-у-дарыня! – произнёс он, паясничая.

– Издали вы мне показались умнее, сударь! – отреагировала девушка, подняв на него большущие стремительные глаза, сияющие апрельским светом.

– Это у вас свои такие синие очи или цветные линзы? – сделал неумелый комплимент Эдик, присаживаясь на край скамьи.

Девушка, скривив губки, промолчала, делая карандашом какие-то наброски.

– «Мой друг – художник и поэт»! – пропел Эдик, желая разозлить неприветливую девушку.

– Вы шли куда-то? Вот и идите! – довольно жёстко отреагировала та, вскинув на него невообразимые глаза.

Эдик понял, что попал в их омут и пока не хочет выбираться.

– Меня зовут Эдик!

– Я вас не звала.

– А вас, прелестница в берете? – настойчиво продолжал диалог Эдик, будто не замечая колкостей собеседницы.

– Какая вам разница?

– Никакой... Я просто хочу знать ваше имя!

Девушка вновь окинула его сногшибательным искромётным взглядом и нехотя ответила:

– Вера...

– О! Спасибо, Верочка, Верунчик, Верпомпушечка! Вы меня осчастливили, теперь я понял, зачем живу в этом дне!

– Опять?!

– Ну, хорошо, не буду, прости...

– Мы уже на «ты»?

– Пора, мы ведь знакомы целых двенадцать минут и тридцать секунд!

– Да, по современным меркам это, конечно, вечность.

– Вер, а ты что сегодня такая дерзкая?

– Я всегда такая дерзкая. Не нравлюсь – иди отсюда!

– Нравишься... – протянул Эдик, вглядываясь в заинтересовавший объект женского пола.

– А ты мне нет, – спокойно ответила «художница», замеряя карандашом что-то вдали.

– Странно, – отозвался назойливый гость. – Обычно, я всем нравлюсь.

– Я – исключение.

– Исключение лишь подтверждает правило.

Эдик вдруг замолчал, ему надоело «производить впечатление», так как он понял, что его быстро раскусили. А девушка продолжала увлеченно что-то рисовать. Эдик с интересом всматривался в тонкий античный профиль, в длинные вьющиеся локоны пышных волос, в плавные уверенные движения красивых рук и не мог оторвать взгляд.

– Вера! – окликнул он, разрушая долгую тишину.

– Ой! Напугал! Я думала, ты уже ушёл! – воскликнула девушка, слегка улыбаясь.

И по этой улыбке он понял, что его ещё держат в поле зрения.

– Хочешь сигарету? – спросил Эдик.

– Я не курю.

– Может, за пивком сгонять?

В ответ на это предложение молодой человек получил такой убийственный взгляд, что он пожалел, что не умер вчера.

Началась вторая серия игры в «молчанку», но на этот раз её нарушила сама Вера.

– Ты вообще, что делаешь в нашем дворе?

– Я... ничего... Случайно здесь... Заблудился, – честно ответил Эдик.

– Заблудился?! Ты что, дикий да? Из лесу вышел? – и тут девушка неожиданно засмеялась так звонко и заливисто, что Эдик поначалу даже смутился, а потом, поддавшись девичьему обаянию, тоже рассмеялся.

Неожиданно погода стала хмуриться и пошёл крупный дождь.

– Побежали, спрячемся в подъезд! – предложил Эдик, беря Веру за руку.

– Я не могу... – тихо ответила она, высвобождая руку. – Я буду ждать отца... А ты иди!

– Зачем?

Девушка опустила глаза... Вдруг перед ними возник запыхавшийся мужчина.

– Вероничка! Прости, я долго, да? – спросил он, взял дочку на руки и пересадил на блестящую инвалидную коляску, стоявшую неподалёку (её Эдик только сейчас заметил).

Эдик будто онемел и не мог сдвинуться с места.

– Ну, прощай! Надеюсь, больше не заблудишься? – спросила Вера, но глаза её были уже несолнечными.

– Прощай... – автоматически повторил Эдик и продолжал стоять, как вкопанный, провожая странным взглядом отца с дочерью, пока те не скрылись за поворотом.

А дождь всё лил. Эдик прислонился к дереву щекой и ощутил его ароматную весеннюю влагу.

– Дурак! – ругал он себя. – Грубый, неотёсанный кретин! Вижу только себя, других не замечаю! А она... Бедная... Она умнее меня. Дала понять, что я – идиот, самохвал... Сказала: «Прощай». Значит – мы больше не увидимся?

Поняв, что дождь зарядил надолго, Эдик собрался было домой и тут увидел: на скамье поблёскивает что-то намокшими гранями.

– Карандаш! – обрадовался он и удивился своей радости. Секунду помедлив, он засунул находку в карман и быстро зашагал в сторону арки.

Город был пуст. Эдик плутал, плутал, наконец, выбрался на знакомую улицу и сел в первый попавшийся трамвай.

Всю неделю он исправно учился, почти не опаздывал.

– Ты чего такой прилежный? – спросил как-то Саня.

Эдик молчал, слегка улыбаясь.

– Ой! Поглядите-ка на него! Весенний синдром! – съязвила Маринка.

– Что пристали к человеку? Может, он влюбился? – предположила Катюха, лопнув жвачку.

Эдик вздохнул и неожиданно спросил:

– Катюх! Тебе цветы когда-нибудь дарили?

– Чего? – округлила глаза она.

– Ясно... А в принципе... Ну... Если бы подарили, была бы рада?

– Эдюнь, ты заболел? На кой мне цветы? Лучше тачку мне подари!

– Я тебе корыто подарю! – встрял Серёга.

Все громко захохотали. А Эдик закинул тетради в рюкзак и быстро вышел из душной аудитории.

Позже он поймал себя на мысли, что не перестаёт думать о Вере. И днём, и ночью вспоминает он взгляд её беспощадно-лучезарных глаз.

– Вот это девчонка – характер! Как она меня! Оп! И на лопатки! Растерялся даже... А глазищи-то прямо в душу глядят... Почему она не ходит? Что случилось? С виду и не подумаешь, что инвалид... Да... Странное знакомство: только и делали, что ссорились... – размышлял Эдик, не замечая, что третий раз возвращается к цветочнице, которая уже замучилась предлагать ему цветы и на сей раз зло молчала.

Эдика привлек небольшой букетик оранжевых роз, еще не распустивших бутоны.

– Этот! – уверенно заявил молодой человек, нюхая необычные цветы. – А пахнут почему-то, как красные.

– Почему это, как красные? – приняхалась продавщица тоже. – Абсолютно, как оранжевые... – смутилась она, потому что замечание покупателя её явно поставило в тупик.

Эдик усмехнулся, обнял букет и пошел прочь, оглядываясь на цветочницу, та в недоумении перенюхивала все свои букеты по очереди.

И вот Эдик снова очутился у знакомой арки. Отдышался и вошел внутрь, попадая на аллею. «Сидит?» – блуждая взглядом, подумал Эдик, и сердце почему-то дёрнулось. Он остановился. «Как дурак, с цветами припёрся! Да ещё с оранжевыми!» – размышлял он и хотел было развернуться и уйти, но не успел, увидев её...

Вера сидела на той же скамейке под развесистым деревом и внимательно смотрела на приближающегося парня.

– Здравствуй, Вер...

– Здравствуй, Эдик...

– Вот... Ты карандаш тогда забыла... Так я решил вернуть...

– Весьма признательна... А цветы ты своей девушке несёшь, да?

– Девушке... Кстати, тебе... Возьми! – протянул он розы, понимая, что глупее, чем сейчас, никогда в жизни не выглядел.

Вера приняла букет и грустно произнесла:

– Оранжевые...

– Тебе не нравятся? Так я их выброшу! – выпалил Эдик.

– Что ты! Я никогда не видела ничего более прекрасного... – и она подняла на него неподражаемо-улыбающиеся глаза. – Спасибо... – сказала она почти шёпотом.

Но это «спасибо» прозвучало почему-то самым громким словом в мозгу Эдика.

Наступила уже привычная для них обоих тишина... Пели птицы... Шумел ветвями ветер...

– Пожалел меня, калеку? – вдруг сухо и отстранённо спросила девушка. – Я не нуждаюсь ни в чьей жалости! Если тебя мучило чувство вины – всё, я думаю, оно исчезло. Теперь со спокойной совестью можешь возвращаться к своей веселой жизни!

Эдик вспыхнул, глаза у него загорелись:

– Зачем ты так? Я от чистого сердца! Прости, если обидел... Я пойду, если ты не хочешь меня видеть!

И Эдик резко пошел прочь.

– Подожди! – крикнула Вера, но он не обернулся. – Если бы я могла, то догнала бы тебя!

Эдик замедлил шаг и посмотрел на девушку. Та глядела на него умоляющим взглядом, а по щекам текли слёзы.

Он быстро, почти бегом, вернулся.

– Только не плачь! Я теряюсь, когда девушки плачут, – он очень нервничал, слегка дотрагиваясь рукой до бутонов роз.

– Понимаешь... – постепенно успокаивалась Вера... – Я плачу не оттого, что ты мне подарил цветы, а потому, что за последние несколько лет на меня впервые посмотрели как на женщину... Я ведь не всегда была прикована к инвалидному креслу. Раньше я даже занималась танцами, но случилось то, что случилось, я не хочу об этом вспоминать... И я думала, что жизнь закончилась. Но неделю назад, когда ты заговорил со мной шутя, прикалываясь, как с обычной девчонкой, – во мне что-то проснулось... Мне стало очень больно... Так больно, что я не могла дышать... И вдруг сегодня ты пришёл... с цветами... И мне сделалось легче. Посиди со мной хотя бы несколько минут... Думаю, это тебя не очень утомит?

– Нет! Что ты?! – быстро ответил Эдик, растворяясь в ослепительно-манящих глазах Веры.

– Спасибо... А почему ты выбрал такие странные цветы? Я думала, оранжевых роз не бывает.

– Я тоже думал...

Наступила неловкая пауза.

– А чем ты занимаешься? – неожиданно спросила Вера

– Я учусь на киносценариста.

– Да? Тоже будешь создавать кровавые боевики?

– Вовсе нет. Я люблю жанр психологической драмы с элементами романтической сказки.

– Ты думаешь, это сегодня кому-нибудь нужно?

- Конечно, просто люди не знают этого и «едят» то, чем их кормят, а душа-то просит красоты, тепла...
- И много ли у тебя таких «теплых» идей?
- Идей – громадье! Но есть главная... – Эдик замолчал.
- Секрет? – осторожно спросила Вера, и глаза её отразили плывущие по небу облака.
- Секрет... Но тебе расскажу... Я обдумываю сценарий будущего фильма о судьбе моего деда – известного скульптора Тминова.
- Тминов – это твой родной дед?! – изумилась Вера.
- Да, – коротко ответил Эдик и вздохнул. – Можно, я закурю?
- Кури... – девушка замолчала и о чем-то задумалась. – Ты знаешь, а я ведь была на выставке его скульптур... Мне, наверно, было лет десять... С классом ходили... Экскурсию проводил сам Тминов... Я его запомнила могучим стариком с вьющимися седыми волосами и бородой... Он всегда подкашливал...
- У него была астма, – монотонно произнес Эдик и понизил голос.
- Десять лет в лагерях отсидел.
- Вера тихо продолжала:
- Ещё он повторял одну фразу: «Ну, что, детки, если устали, то я расскажу вам сказку!» – потом прищуривался и становился похожим на Деда Мороза. Ну а мы тогда считали себя взрослыми и сказку слушать не хотели. Ещё помню, что из всех скульптур мне тогда понравилась всех больше одна...
- Какая именно? – заинтересованно спросил Эдик.
- Ника.
- Эдик опешил и переспросил:
- Ника? Ника Самофракийская? Ты знаешь, она мне тоже всех больше нравится, – и Эдик улыбнулся.
- Вера утонула в его обаятельной улыбке.
- У нас с бабушкой есть ещё одна мечта, – продолжил Эдик. – Мы хотим создать его музей-квартиру.
- А какой он был, твой дед? – серьёзно спросила девушка.
- Он?.. Настоящий... Понимаешь? Настоящий человек!
- «Повесть о настоящем человеке»?

– Гм! – улыбнулся Эдик. – Сейчас таких людей остаётся всё меньше. Они вымирают как вид, а с ними уходит целая эпоха. А мы мельчаем, ссыхаемся как-то, деградируем. Душа болит... Мне сегодня стыдно было бы смотреть в глаза деду... Помню, как-то, когда я гостил здесь, в Москве, на каникулах, мы с другом играли в дедовой мастерской и случайно отбили кусок от скульптуры Александра Невского. Я перепугался и – молчок! Через день подзывает меня Вениамин Саввич и сажает напротив. А я не знаю, куда деваться, и, сгорая от стыда, прячу глаза. Дед смотрит на меня хитро и спрашивает:

– Эдюнь, вот ответь мне, старику, что прочнее глина или душа человеческая?

Я думал, думал, а потом ответил:

– Душа, конечно.

– Почему? – допытывался дед.

– Человек умрёт, тело его истлеет, а душа полетит в лучший мир и будет жить вечно... А глина, она что? Сегодня – кувшин, а завтра – черепки.

– А вот и не всегда, – загадочно отвечает дед. – И душа человеческая может в черепки превратиться, коли не беречь и не думать о её спасении.

– Как это? – спросил тогда я.

– Вот так... Думаешь, на что совесть человеку дана? Чтобы, как вода глину размягчает, так и душу черствую размягчать и делать её доброй и восприимчивой, гибкой и крепкой.

– Чем больше у человека совести, тем и душа у него прочнее, так получается? – догадался я.

– Так, Эдюня. А кувшин-то и склеить можно, коли ценность в нём какая есть... – продолжил многозначительно Тминов.

Тут я, помню, насупился и долго молчал, а потом сказал:

– Дед, это я твою статую случайно испортил... Ты извини меня, пожалуйста.

– Хорошо, внук, что нашел в себе силы извиниться, а скульптуру я уже восстановил. И никто, кроме нас с тобой, не узнает, что

Александр Невский целый день в разодранном одеянии простоял, – и засмеялся своим кашляющим смехом, похлопывая меня по плечу. – С тех пор и не даёт мне покоя эта самая совесть... – Эдик замолчал.

Вера внимательно слушала, поглядывая на молодого человека искристым взглядом.

Эдик от воспоминаний покраснелся, и глаза его приобрели на какое-то время озорное мальчишеское сияние, потом он слегка смутился и посмотрел вдаль... Вечернее солнце со всех сторон подсвечивало тихий московский дворик золотыми извилистыми лучами, будто плела кружево невидимая розовощекая мастерица.

Настало время прощаться. Пришёл отец и пересадил дочку в инвалидную коляску, поправил её непослушные локоны и повёз домой.

– Давай завтра увидимся в пять часов, здесь же! – сбиваясь, предложил Эдик.

– Хорошо! – сразу согласилась Вера и подарила ему такую нежную улыбку, что Эдик покраснел, поймав себя на мысли: что-то в мире его суетного «Я» меняется.

Придя домой и взяв всё ту же безымянную книгу, Эдик заперся в дедовой мастерской. Бабушка Агриппа не стала его тревожить, уловив стыдливо-задумчивое выражение лица внука.

«Самонадеянным людям часто кажется, что они уже поняли эту жизнь, разглядели все её краски, услышали все её звуки, и, будто, ничто не может их вывести из привычного предсказуемого равновесия и ощущения своей интеллектуальной значимости... Ан, нет! В самый неподходящий вроде бы момент чей-то неожиданно-пристальный и нежный взгляд, адресованный только им, проникнет в сердце и растечется по нему, как хорошее грузинское вино, заставив ослабнуть, поглупеть и вновь научиться обращать внимание на нервно-колотящийся пульс и дикую жажду жизни».

Прочитал Эдик и заснул, а проснулся оттого, что баба Агриппа стучала в дверь мастерской.

– Эдя! Просыпайся! В институт опоздаешь!

– Иду, иду... – нехотя ответил внук, потягиваясь в плетеном дедовом кресле, закрывая помятую за ночь книгу.

Весь день Эдик был предельно рассеян, никого не слышал и ждал только встречи с Верой.

Подошло время, и он помчался по знакомому маршруту, купив разного мороженого... Прибежал ровно в семнадцать часов. Вера уже ждала его на той же скамейке.

Молодой человек сразу обратил внимание на её аккуратно причесанные волосы и какое-то кокетливое выражение глаз.

– Здравствуй, Вера!

– Здравствуй, Эдик! – ответила девушка и смутилась.

Эдик это заметил и тоже сконфузился, присел на скамейку и бездумно стал есть мороженое.

– Тебе немало? – спросила Вера и хихикнула.

– Ой! – опомнился Эдик. – Это же я тебе принес, возьми! Специально купил разного, я ведь не знаю, какое ты любишь?

– Клубничное... – тихо ответила девушка.

– Вот. И клубничное есть! – обрадовался Эдик, перебирая хрустящий ворох.

Они ели мороженое и почти ни о чем не разговаривали, но почему-то бесконечно смеялись на всякие пустяки. Эдик раскрошил вафельный стаканчик воробьям, которые давно ждали этого, сидя в «засаде» на дереве.

– Какие прожорливые, – смеялась Вера.

– Ты не замерзла? – спросил Эдик, видя, что губы у девушки слегка посинели.

– Нет, вроде...

Эдик снял ветровку и накинул на девичьи плечи, но рук не отвёл и продолжал находиться на очень близком расстоянии... И как-то нечаянно поцеловал Веру в замерзшие сладкие губы.

– Ой! – воскликнула она и отпрянула.

Эдик напугался:

– Извини, я не хотел... Так получилось...

Вера молчала, лишь пульсирующая тонкая венка на её виске выдавала душевное смятение. Эдик глупо молчал, мысленно ругая себя за случившееся.

– Ты не переживай... Я даже и не успел понять, что это твои губы... Они будто мороженое...

– Спасибо, – отреагировала Вера и отвернулась.

– Извини, я снова что-то не то сморозил... Я не то хотел сказать... На самом деле мне очень понравилось, правда... Прости... Ты плачешь?

– Нет! – ответила Вера дрожащим голосом.

– Только не плачь! Лучше ударь меня, побей! Только не плачь...

Какое-то время молодые люди молчали: Вера тихо всхлипывала, а Эдик держал её руки в своих... У скамейки прыгали шумные птицы и доклёвывали уже весьма растаявшую сладость. Неожиданно Вера спросила:

– Эдик, скажи, только честно. Я не выношу лжи! Предположим, если бы я была обычная девушка, ну, в смысле, не инвалид, ты бы... Ты бы пошёл со мной в кино?

– В каком смысле в кино? Почему в кино?

– Неважно! В театр, в гости, на ипподром... Пошел бы?

– А-а... Ну, конечно, о чём разговор!

– Спасибо, Эдь...

Пришёл отец и усадил девушку в коляску.

– Вы уже уходите? – растерялся Эдик.

– Да, пора... – ответил отец.

Вдруг Вера резко обернулась и, как-то извиняясь, произнесла:

– Знаешь... Мы больше с тобой не увидимся...

– Как это? – выпалил Эдик.

– Так. Дело в том, что мы с отцом переезжаем, ведь так, пап?

– Да, переезжаем... – подтвердил хмуро отец.

– Что значит «переезжаем»? – ничего не понимая, переспросил Эдик.

– Большого сказать не могу... Просто постарайся понять меня и простить... Я долго думала последнее время... И поставила перед

собой цель, цель всей своей жизни... И хочу любой ценой достичь её! Не ищи меня. Прощай!

Эдик остался один в полном недоумении. Потом вдруг крикнул вслед:

– Тебя так обидел мой поцелуй?!

– Нет! Не думай об этом...

– Вера, подожди! Ответь мне только. Я тебе не безразличен?

Вера молчала.

– Не безразличен, да?!

Девушка молчала, а отец увозил её прочь.

Так они расстались. Двор опустел. Эдик долго сидел в задумчивости и напряженно думал о случившемся.

– Что я сделал не так? Может, чем-то обидел? Может, я ей противен? Ничего не понимаю! Да и как поймёшь этих женщин?.. Чем я ближе – тем она дальше. Почему так? Где я ошибся?.. Вера, Вера, ты изменила меня... Моя странная, дерзкая, милая девочка! – размышлял Эдик, а мысли ссорились друг с другом.

Много дней подряд Эдик приходил в тот двор, расспрашивал о девушке Вере и её отце, но никто ничего толком не знал. Он понял, что потерял её навсегда...

Шло время... Пришла пора экзаменов. Эдик получал двойку за двойкой. Даже «специальность» завалил, не подготовив сценарий.

– Такой талантливый мальчик и не мог написать какого-нибудь сценарья на потребу дня! – осуждал студента председатель экзаменационной комиссии, когда объявлял всем оценки.

– Вдохновения не было, – парировал Эдик.

– Скажите, пожалуйста, какие мы чувствительные...

– Да и не хочу я «сценарья на потребу дня» писать, понятно? Я хочу о настоящем, о вечном! – громко и довольно резко ответил Эдик.

– Эко хватил, о «вечном», видали, гений нашелся!

– Может, и не гений, но я такой сценарий напишу и фильм по нему сниму, чтоб за душу всех брало, чтоб были затронуты тонкие

струны сердца, чтобы не стыдно было в глаза детям своим смотреть, чтоб верили они нам, взрослым, учились у нас...

– О ком же ты напишешь о Юрии Гагарине или о Матери Терезе, что-то я не пойму никак? – съехидничал профессор, а студенты злорадно засмеялись.

– Нет, не о них... – Эдик замолчал. – О жизни моего деда...

Аудитория взорвалась хохотом, преподаватели даже прослезились.

– Кто он такой? – еле сдерживая смех, спросил профессор.

– Скульптор Тминов... Вениамин Саввич...

– А-а... – протянул профессор, картинно округляя глаза. – И что же в нём такого необычного?

– Он настоящий человек... А вы... Вы этого, похоже, никогда не поймёте!

– Мда... Тема новая, почти не затёртая.

И зал опять заполнил громкий, непрекращающийся смех. Эдик вышел за дверь.

– Учтите, товарищ студент, вы отчислены! – крикнул вслед председатель комиссии под хохот «друзей» – студентов.

Ни один человек не посочувствовал ему.

– Прямо как в пустыне... – говорил Эдик, спускаясь в последний раз по лестнице института.

Шумная компания сокурсников даже не поинтересовалась, а что собственно происходит с их «другом», а, может, беда какая случилась? Нет, ни одна душа не поддержала человека, кроме бабы Агриппы, которая проревела целый день, причитая о сложной программе, о переутомлении, о семейной наследственности, о полосатой жизни и ещё о какой-то чепухе.

Эдик молчал, ни на что не реагируя.

– Эдюнь, ты что, обет молчания принял? А? Я ничего не понимаю! Что я родителям твоим скажу? Как ты будешь дальше жить? Ни образования, ни денег, ни друзей хороших, – рассуждала Агриппина Власьевна, пытаясь хоть как-то разговорить упрямого

внука. Вдруг она резко замолчала, потом произнесла: – Может, ты преступление совершил? Так ты мне скажи! Мы всё обмозгуем...

– Никакого преступления я не совершал, не беспокойся!

– Слава Богу! – немного успокоилась Агриппина Власьевна. – Тогда что? Что с тобой происходит?

– Я идейно разошелся с людьми, с которыми общался долгое время, – спокойно ответил Эдик и закурил.

– Правильно! – неожиданно поддержала внука бабушка.

– Ты тоже так думаешь? – удивился Эдик.

– Я всегда так считала, но не хотела лезть в твои дела, зная, что ты и сам когда-нибудь поймёшь. А сейчас тебе нужно побыть одному, подумать... Так бы сделал дед...

При этих словах Эдик встрепенулся, схватил бабушку в охапку.

– Спасибо тебе, ба, спасибо!

– Тише ты, задушишь! – уже смеялась баба Агриппа сквозь слёзы.

Вечером Эдик с бабушкой, сидя за круглым столом, ели жареные пирожки с капустой и рассуждали о жизни.

– Ба, скажи мне, только честно... Дед любил тебя? – спросил Эдик, раскачиваясь на плетёном кресле.

– Не знаю, право... Сложный он был, но добрый. Бывает, подойдёт ко мне, обнимет, как ты, своими ручищами и спросит, кашляя да вглядываясь в меня, как рентген:

– Что-то ты, Агриппина, давно платье с тесьмой не надевала...

А мне и сказать совестно, что износилось оно, на тряпки перевела, а денег-то, как обычно, нет. Я и молчу...

– Надо тебе новое купить! – и протягивает мне пачку денег, приговаривая: – Да смотри, дешёвку не бери, покупай такое, чтоб красивое было... Мы с тобой в воскресенье в оперу в Большой театр пойдём, я билеты купил.

Я его спрашиваю:

– Откуда деньги-то такие?

А он мне:

– Не беспокойся! Честным путём заработаны. Сделал бюст одного политработника.

А я ему:

– Веничка, я и в старом платье отхожу, только ты ничего супротив воли своей не делай, а не то и талант, и здоровье изведёшь.

– Агриппа! Я своё дело знаю, а ты своё знай! – и строго так посмотрит на меня, я прям вся и устыжусь. А моё дело-то велико ли? Прибраться, приготовить и не мешать ему.

– Любил, значит? – не унимался Эдик.

– И не знаю... О любви мне никогда не говорил. Но вот когда первую выставку открыли, так он всем гостям и прессе сказал, что, мол, посвящает её жене славной – Агриппине Власьевне. Так прямо и сказал: «славной».

– Это любовь, бабушка. Любовь... – подытожил внук и вздохнул.

«Как только человек, особенно человек творческий, талантливый, противопоставит себя миру – так мир восстанет против него и начнёт радоваться его ошибкам и неудачам... А неудачи неизбежны, ибо человек отказывается жить по устоявшимся правилам и пытается преодолеть жажду и голод общения новой, преобразующей деятельностью на благо всё того же мира, который восстал против него... Это определённая ступень духовного взросления, и здесь важно превозмочь длительное одиночество и непонимание, выстоять и заново научиться жить. Глядишь – и мир вокруг немного изменится, станет чище и добрее, видя силу духа человеческого»,

– читал безымянную книгу Эдик и думал над своей неожиданно изменившейся жизнью.

Москву пришлось покинуть. Всё лето Эдик провёл у своих родителей, помогал по хозяйству, перекрыл с отцом крышу и каждую неделю писал бабе Агриппе. Та очень скучала по внуку и жаловалась, что дела по созданию музея-квартиры продвигаются туго. Эдик обещал, что придёт время – и справедливость обязательно восторжествует.

Отчисленный студент попал под осенний призыв, и Эдика, как говорится, забрили в армию.

В поезде призывники потравили анекдоты об армейской жизни, посмеялись вдоволь и как-то быстро устали, многие заснули.

– А ты как, интеллигент голубых кровей, в армию загремел? – спросил Эдика круглолицый Степан Цибин, немного шепелявя (позже он получил кличку Беззубый).

– Отчислили из института.

– На кого же ты учился? – вступил в разговор широкоплечий Руслан Креницын (по кличке Костоправ), мастер спорта по вольной борьбе.

– На киносценариста, – ответил Эдик.

– Ёкарный бабай! Так ты, значит, режиссёр? – встрял суетливый Иван Грибков (по кличке Заноза), грязными пальцами шелуша семечки.

– Неудавшийся... – вздохнул Эдик.

– Слушай, Режиссёр! Ты это... Фильм про нас потом сними, чтоб я – в главной роли, весь в парадке, а вокруг – девчонки в коротких белых юбках! – предложил, присвистывая, Стёпа, и все засмеялись.

– А обо мне не надо, – пробасил Руслан.

– Почему?

– Я скромный...

– И шуток не понимает, и с девчонками не гуляет, а коли и гуляет, так всех переломает! – всунулся Иван.

– Пищи, пищи, я сегодня добрый, а завтра и уронить могу случайно.

Ванька заткнулся, но ёрничать продолжал.

– Мужики, дайте поспать, сколько можно гоготать? – проскрипел сонным голосом толстый Валерка Хряков, по прозвищу Винни-Пух.

– Эй, Режиссёр? – через какое-то время снова спросил Стёпка.

– Что?

– А ты Михалкова видел?

– Нет.

– Жаль...

– Почему?

- Да мы тут поспорили с мужиками... Красит он усы или нет?
- А ты как думаешь?
- Я думаю, красит, – заверил Стёпка.
- А я думаю, нет.
- Ладно, не парься, отслужишь, доучишься и, когда Михалкова увидишь, так уж спроси...
- Хорошо, спрошу, – согласился Эдик, – А ты на что поспорил-то?
- Да так... Стыдно сказать... – стушевался Стёпка.
- Колись!
- Голый по плацу пробежать.
- Идиот! – захохотал Эдик и Стёпка вместе с ним.

Приехали на границу. Военная часть Эдику понравилась. Чистота идеальная, командиры толстые, бабы страшные. Из столовой несло тушеной капустой (причём, этот запах не прекращался никогда).

Началась служба. Первые месяцы у новобранцев был курс молодого бойца, обучали азам военного искусства, премудростям приграничной обороны. Нельзя сказать, что пост здесь был уж очень опасен, но вылазки «янычар» (так нарушителей границы прозвали «старики») изредка всё же случались. Самым сложным был горный перевал, он находился под особо пристальным наблюдением. Шло время...

Однажды утром, когда в корпусе производилась плановая уборка и у большинства солдат было немного свободного времени, произошла очередная стычка, которая чуть было не закончилась плачевно.

- Ты задолбал меня, Заноза, своей болтовнёй! – крикнул Руслан.
- Конечно, тебе, тугодуму, интеллектуальная беседа ни к чему, ломать кости – много ума не надо, – съязвил Ванька.
- Значит, ума не надо?! – переспросил Креницын, багровея.
- У тебя и девчонки-то нет, потому что любая баба от тебя на следующий же день сбежит! А вот у меня их – три, и все пишут и ждут не дождутся, когда их лапуля – Ванечка Грибков – из армии вернётся. У одной такие глаза, у другой такие...

И тут Ванька получил, как говорится, «в душу» тяжёлым кулаком Руслана.

– Ты что, охренел, он же тебя специально провоцирует? – вскрикнул Стёпка.

Ванька рожу перекошил и со всего маха вдавился в горообразного Креницына.

– Что ты, глистопёр, надрываешься? Я ж тебя сейчас на две части сломаю, а ноги сам знаешь, куда засуну! – смакуя, проговорил Креницын.

– Пошёл ты! – заорал взбешенный Грибков и вдарил Руслану по глазу.

Тот отпрянул, выругался и схватил Ваньку – Занозу за горло – Грибков захрипел, но при этом продолжал чморить Руслана.

Пришлось вступиться Эдику, Валерке и Степану – еле разняли.

Тут раздался сигнал боевой тревоги. Перед взводом пограничников была поставлена следующая задача: отследить и пресечь, при необходимости, передвижение в сторону российской границы группы неизвестных вооружённых людей, а в случае сопротивления открыть по нарушителям огонь на поражение. Капитан Дёмин приказал разбиться по двое, короткими перебежками приблизиться к перевалу и занять наблюдательные позиции. В пару попали Иван Грибков и Руслан Креницын, но спорить с командиром было некогда, да и не позволено.

Операция «Перехват» началась. Эдик со Степаном Цибиным залегли у каменного выступа и взяли на мушку предполагаемый квадрат, в котором должен был появиться противник.

Тихо было у подножия горы. Ей наплевать было на своих и чужих, возвышалась она надо всеми незыблемая и торжественная, с высоты вершин поглядывая на осторожных людей в зелёных пятнистых одеждах, которые устремили странные металлические предметы на что-то вдали.

Эдик обратил внимание на большую бабочку, «павлиний глаз», которая мягко присела на нагретый от солнца ствол автомата и замерла, не зная, что отдыхает на «пороховой бочке». Разглядывая

причудливые крылья бабочки, Эдик почему-то вспомнил отца с матерью, бабу Агриппу и деда Веню, а также... Веру... Веру, которую он потерял, а сослуживцам врал, когда те спрашивали его о девушке, что есть, мол, такая, зовут – Вера. А когда Стёпка – Беззубый спрашивал: любит ли он её, то Эдик обычно отвечал, что не знает, что, мол, не успел понять ещё. Стыдно было Эдику перед ребятами, он ведь их старше, а подружки у него не было. Даже у толстого Валерки – Винни-Пуха и то дивчина – казачка была, всё письма ему слезоточивые писала. А он, Эдуард Тминов, был совсем один... Вернее, нет! Понял он тогда, что любит... Любит эту странно покинувшую его Веру... Любит её невероятные глаза, её стеснительную улыбку, её непослушные кудри, её хрупкую, будто извиняющуюся фигурку – её всю! Он любит её, Веру! Первый раз в жизни любит по-настоящему, любит тайно и, может быть, невзаимно и тщетно... И от этого так больно сжалось сердце, и так страстно захотелось жить!

Рука дрогнула – и бабочка вспорхнула и полетела прямо через границу, на сторону противника...

– И всё ей по фигу... – прошептал Эдик.

– Чего? – переспросил Степан.

– Да так...

Дёмин с Валеркой Хряковым залегли рядом, у большого поросшего мхом пня. Командир внимательно наблюдал в бинокль. Все пограничники смотрели в одном направлении...

Вдруг на берегу горной реки из ущелья появились люди. Даже без оптики солдаты могли видеть, что те – с оружием, которое было в боевой готовности. Как только вооружённые люди (а их было человек пятнадцать) приблизились на минимально возможное от приграничной полосы расстояние, капитан Дёмин сделал предупредительный выстрел в воздух. В ответ вооруженные перебежчики открыли огонь и стали рассеиваться по берегу реки.

– Огонь! – приказал Дёмин, и пограничники начали стрельбу.

Вдруг откуда-то, совсем рядом, уже на российской территории, появилась ещё одна группа неизвестных вооружённых лиц, они стреляли в наших солдат.

Пограничники быстро поняли, что противник заметно выигрывает в живой силе и настроен на прорыв любой ценой.

– Срочно требуется подкрепление! – прокричал капитан Дёмин по рации.

Стали взрываться по цепочке мины. Под прикрытием этого шума и дыма трое «янычар» отделились от своих и устремились в сторону нашего перелеска.

– За ними! – приказал Дёмин, приподнимаясь, но тут его ранило, он упал, зажимая грудь.

– Товарищ капитан, как вы?! – орал Валерка.

– Нормально, бери командование на себя! – приказал он.

– В наступление!! – заорал Хряков, и пограничники ринулись в бой.

Эдик заметил, что кое-где идёт бой врукопашную, и четверо бандитов уже вздрагивают в предсмертной агонии.

– Наши, вроде бы, все держатся, – подумал Эдик, увидев, что Креницын и Грибков побежали наперерез отделившейся группе «янычар», и вместе с Цибиным последовал за ними.

– Окружаем их и стесняем к обрыву, там им не выбраться! – кричал на бегу Руслан. – Я иду первым, Грибков меня прикрывает, ты с Цибиным подходите с тыла!

И тут на опушке леса мелькнуло трое чужих... Эдик и Степан их видели хорошо, а вот Руслан и Ванька, похоже, нет: они мчались совсем к другому месту. На какое-то время все стихли и стали выжидать. Вдруг из укрытия высунулся Креницын, Грибков встрял рядом. Они оглядывались по сторонам, но противника не видели, а неприятель их видел отлично, как на ладони.

В кустах перелеска мелькнуло стекло оптического прицела...

– Ложись! – крикнул им Эдик, но горное эхо исказило направление слов.

Раздались выстрелы.

– Костоправ, ложись! – что было сил крикнул Грибков и ринулся к нему, тем самым заслонив его от пуль, – и упал, как подкошенный.

Креницын подхватил его:

– Ванька! Ванька! Заноза! Ты что?! Ванька, не умирай!! Ванька!!! Сволочи, Занозу убили! Я вас!!! – и Креницын, озверев, с криком «сволочи!» понёсся прямо на бандитов.

Эдик со Стёпкой тоже помчались к перелеску. «Янычары», видимо, струхнув от «психологической» атаки, выскочили из укрытия и, отстреливаясь, побежали в сторону леса.

– Сволочи!!! – орали пограничники и оттесняли бандитов к границе.

Тут в двух шагах от Эдика взорвалась граната – его отбросило взрывной волной, он ударился головой о камень и потерял сознание... Через какое-то время пришёл в себя от дикой боли в левой руке. Открыл глаза и понял, что ничего не слышит, кроме звенящей, оглушительной тишины, из ушей лилась кровь... Было очень жарко... Но он всё понимал, однако двинуться с места не мог. Попробовал пошевелить левой рукой, но увидел, что она почти оторвана и безжизненно болтается на мышце...

– Я контужен, потерял руку и, наверное, сейчас умру... – прошептал Эдик и снова потерял сознание.

Вдруг он почувствовал нежное прикосновение тёплых рук к своей щеке.

– Ты будешь жить! – сказал женский голос.

Эдик приоткрыл глаза и увидел: на фоне чёрного дыма – белый крылатый силуэт девушки... Она улыбалась и лучистыми глазами заботливо вглядывалась в обездвиженного мужчину. От лёгкого, едва заметного трепыхания крыльев Эдику стало свежо и приятно.

– Ты кто? – произнёс он.

– А ты разве меня не узнаешь? – изумилась крылатая девушка.

Эдик приподнялся на локте правой руки и воскликнул:

– Ника?!

– Да, я – Ника... Твоя Ника!

– Господи! Я схожу с ума... – прошептал Эдик.

- Верь в себя, в свои духовные силы – и ты обязательно победишь!
- Кого победишь?
- Прежде всего, самого себя! – звеня, как колокольчик, говорила Ника.
- Зачем? – обречённо спросил Эдик, при этом чувствуя, что боль постепенно уходит.
- Ты должен исполнить задуманное, – загадочно ответила девушка и часто заморгала длинными пушистыми ресницами.
- Эдик задумался, замечая, что силы вливаются в его ослабевшее тело.
- К тому же, есть на свете человек, который молится за тебя, потому что любит... – добавила крылатая красавица.
- Кто же это? – удивился Эдик.
- В своё время узнаешь... – прошептала Ника, сняла белый пояс со своей сияющей туники и перевязала раненую руку бойца.
- Теперь иди! – властно приказала она и выпрямилась во весь рост.
- Мы ещё встретимся! – и исчезла в облаке чёрного дыма.
- Эдик очнулся в больничной палате. Рядом стояли врачи и медсёстры.
- Наконец-то! – воскликнули они.
- Что со мной? – спросил Эдик.
- Тихо! Тихо... Не надо резких движений! С вами, молодой человек, уже всё хорошо! Мы сделали несколько операций... Особенно сложной оказалась операция по спасению левой руки... Но мы сделали это! Мы спасли вам руку, и она, надеюсь, будет функционировать, как прежде! – объяснил пожилой врач.
- Где Ника? – удивился Эдик, пытаясь рассмотреть кого-то в толпе.
- Какая Ника? – переспросили врачи и переглянулись
- Ника Самофракийская!
- В музее, милый, – улыбаясь, ответила медсестра.
- Он бредит, следите за ним внимательно... – тихо напутствовал медперсонал главный врач.
- Она улетела, да? – не унимался Эдик.

– Да, улетела, улетела, только не волнуйся, и всё будет хорошо! – ответил врач, и все тихонько вышли из палаты.

– Поспи, организму нужно восстановиться... – предложила медсестра, поправив Эдику подушку.

– А как Заноза? – неожиданно спросил Эдик.

– Какая заноза? – удивилась медсестра.

– Ну, в смысле... Ванька! Ванька Грибков?

Медсестра помолчала и, вздохнув, ответила:

– Ваню мы не смогли спасти...

Волна удушья подкатилась к горлу солдата, и он заплакал, стесняясь своих слёз.

Женщина поняла парня и сказала:

– Да ты не стесняйся, поплачь... – и она присела к нему на кровать, поглаживая шершавой рукой его мокрые, слипшиеся волосы.

– Как другие ребята? – спросил Эдик.

– Все живы, слава Богу, только капитан Дёмин тяжело ранен, но ничего, его жизнь уже вне опасности. Зато этих горцев шестерых уложили... Командование разбирается теперь: кто такие... Да, не поживёшь спокойно даже в мирное время, – рассуждала женщина.

Эдик перестал всхлипывать и остановил взгляд опухших глаз на окне... Оно было открыто, и из него струился приятный свет спокойного вечернего солнца. Большая лупоглазая стрекоза присела на шпингалет, и сквозь её прозрачные крылышки на перебинтованную руку Эдика упала маленькая еле заметная радуга.

– Спасибо... – прошептал Эдик и заснул.

– На здоровье, родной, – ответила медсестра, думая, что эта благодарность предназначалась ей.

Каждый день теперь уже боевые товарищи навещали больного.

– Ну, Режиссёр, чего захворал-то? Давай скорей выздоравливай, а то не увидишь, как Беззубый голым по плацу бегать будет, – заржал Валерка Хряков.

– Пасть закрой, а то кишки простудишь, – грубо отреагировал Стёпка Цибин, показывая редкие зубы.

– Мужики, не ссорьтесь! Я-то поправлюсь, а вот Ваньку уже не вернёшь, – горестно остановил ребят Эдик.

Все тотчас замолчали... Тишину нарушил Руслан Креницын:

– Он мне жизнь спас, а я даже не успел помириться с ним...

– Кто ж знал, что Заноза погибнет, я вообще думал, что он неуязвимый... – риторически заметил Стёпка.

Товарищи дружно вздохнули.

– А ты послушай, Костоправ, извинись перед ним прямо сейчас, вдруг он тебя там, на небесах, услышит? – неожиданно предложил Валерка.

Все одобрительно закивали.

– А что? И извинюсь! – согласился Креницын и, посерьёзнев ещё больше, подошёл к открытому окну и поднял голову к безоблачному летнему небу.

Солдаты замерли, как на панихиде.

– Иван! Если ты меня слышишь...

Тут Руслана перебил Валерка:

– Да мало ли там «иванов», ты давай к нему по-нашему обратись, тогда он точно услышит!

Креницын помолчал и продолжил, глядя в небо:

– Ну... В общем... Ванька, Ванька – Заноза! Ты услышь меня там, на небесах, я не хотел тебя обидеть... Я же знаю, ты не злой был, а так, болтливый, но зато весёлый... Мне... Нам всем не хватает тебя... Ты прости меня, дурака неотёсанного! А девчонки у меня действительно нет, ты был прав, боятся они меня, – тут Руслан покраснел, посмотрел на ребят и опустил голову. – К матери твоей я сам поеду и всё ей расскажу о твоём подвиге. О том, как ты меня своей грудью закрыл. О том, что ты – настоящий друг! Настоящий! Прости, Ваня!..

Сказав эти слова, Руслан зашмыгал носом и упёрся головой в свой могучий, крепко сжатый кулак.

Друзья молчали. Они раньше никогда не видели, чтобы Костоправ плакал...

Через месяц интенсивного лечения Эдика комиссовали. И только было он собрался домой к родителям, как получил телеграмму о смерти бабушки.

Опоздав на похороны Агриппины Власьевны, внук приехал в Москву.

Родители хотели продать квартиру Тминовых вместе с мебелью, поэтому Эдику пришлось пойти на серьёзный конфликт с ними, но всё-таки отстоять исторически важную жилплощадь вместе с мастерской.

В очередной раз не найдя общий язык с сыном, раздосадованные мать с отцом уехали в свой город, не желая даже морально помочь «бредовой» идее сына...

И вот, спустя некоторое время, устав от бесконечных убеждений всех и вся, от всевозможных встреч и визитов, Эдик бредёт по мокрому от моросящего целый день дождя тротуару вечерней столицы... Незаметно для себя приходит он в знакомый дворик. Никого. Многомиллионный город будто вымер.

– Куда все подевались? – вслух спросил он.

Подойдя к той самой скамейке, Эдик остановился, вытащил из-за пазухи газету «Московский комсомолец» и, положив её на мокрые доски, плюхнулся на сиденье. От размышлений его отвлекли чьи-то шаркающие шаги.

– Молодой человек, можно к вам присесть? – спросил прохожий.

Эдик поднял глаза и увидел перед собой блестяще одетого престарелого мужчину в щегольском белом кашне и под огромным прозрачным зонтом.

– Пожалуйста, только здесь мокро, – предупредил Эдик.

– Э-э-э... – протянул модный дед. – Не беспокойтесь. У меня есть вот тут газетка – «Московский комсомолец»...

И дед, подложив её, сел рядом с Эдиком. Эдик тихонько засмеялся.

– Чего вы смеётесь? – поинтересовался пришедший.

– Дело в том, что я тоже сижу на «Московском комсомольце», – и Эдик засмеялся громче.

Тут дед сообразил, и ему тоже сделалось смешно. Насмеявшись вдоволь, соседи решили познакомиться.

– Эдик! – представился Эдик и протянул руку.

– Григорий Маркович! – ответил дед и пожал руку.

– А что вы в такую погоду гуляете?

– Для меня это самая подходящая погода. Людей почти нет, есть возможность спокойно побродить, подумать, а вот вы почему здесь?

– Я? – Эдик, помолчав, добавил. – Не знаю.

– Вас что-то тревожит, не так ли? – снова спросил пронизывающий дед, слегка вытягивая гладко выбритые щёки.

– Да, тревожит, – коротко согласился Эдик и незаметно рассказал Григорию Марковичу о своей жизни, об идее создания музея-квартиры скульптора Тминова и фильма по уже готовому собственному сценарию и ещё о том, что обошёл уже, кажется, всех продюсеров, но безрезультатно.

– Значит, сценарий вы уже написали? – как-то лукаво переспросил собеседник.

– Да, – подтвердил Эдик.

– А вы, извините, не могли бы мне его вкратце пересказать?

– Хорошо! Слушайте... – и Эдик образно, в лицах, рассказал Григорию Марковичу сценарий будущего фильма о жизни и творчестве Тминова.

– А я ведь, знаете ли, Эдуард, очень хорошо знал Вениамина Саввича... – задумчиво произнёс собеседник, когда молодой человек завершил рассказ.

Эдик округлил глаза от изумления.

– Неужели?! – только и смог произнести он.

– Да, да, милый человек! И семью хорошо знал, и Агриппину Власьевну, Царство ей небесное... – вздохнул дед.

– Вот это да!

– И мамочку твою, когда она была ещё совсем маленькой девочкой, на руках носил и даже подарил ей фарфоровую балеринку...

– Так это, значит, вы – тот самый дядя Гриша, который пропал без вести во время Второй мировой войны?!

– Да, мальчик мой!

Тут они нежно обнялись. Эдику стало хорошо-хорошо, как когда-то в детстве, и очень радостно оттого, что неожиданно нашёлся лучший друг дедушки, спустя столько лет...

– Вот это чудеса! – не переставал удивляться Эдик. – А если бы вы не присели на эту скамейку?

– На «Московский комсомолец»?

И они снова засмеялись.

– Где же вы были всё это время? – не унимался Эдик.

– Дело в том, что в 44-ом году я, выйдя из окружения и получив тяжёлое ранение, потерял память. Поскольку из отряда уцелел только я, то и найти сведения обо мне не удалось. Хотели отправить в тыл, но я воспротивился: куда возвращаться-то? Так и решил дальше воевать, пока не убьют. Помню, жизнью своей тогда не дорожил. Однако случилось так, что влюбился я в одну француженку – переводчицу из армии союзника. И вот мы с Эмилией моей после войны поженились и поехали во Францию. Там и жили всё это время. Постепенно ко мне стала возвращаться память, но вернуться в Союз не смог, ведь ты и сам знаешь, как в советское время с приехавшими «оттуда» поступали. А во Франции я, как говорится, пошёл по служебной лестнице и стал директором сначала одной крупной фирмы, а потом – целого концерна «Ника»...

– Почему «Ника»? – оживился Эдик.

– Это тоже неслучайно. Мне очень одна скульптура твоего деда нравилась – «Ника Самофракийская». Любовался я всегда этим шедевром, а когда узнал, что скульптор Тминов умер, то в память о нём назвал сеть своих предприятий. Теперь «Никой» руководит мой сын, а я, вроде того, на пенсии.

– Ничего себе история!

– Так что, не дрейф, дедов внук, прорвёмся! – призвал Григорий Маркович и продолжил: – А теперь слушай меня внимательно. Я

решил вложить деньги в твой проект. Так что и музей-квартира, и фильм будут! – и он закрыл зонт, так как дождь закончился, а из-за туч выглянуло робкое солнце.

Эдик будто онемел.

– Ну что, режиссёр, твори! – радостно заявил Григорий Маркович и по-отечески потряс остолбеневшего Эдика за плечи.

– Я не верю... Не верю...

– Нет, мой друг, ты именно веришь, потому что только вера в победу способна делать чудеса.

– Вера в победу... Вера – Победа... Вера – Ника... Вероника! – воскликнул Эдик, испугавшись своей случайной догадки.

– Кто такая Вероника? – спросил дед.

Эдик не ответил, а вместо этого, как под гипнозом, уставившись в одну точку начал говорить:

– Одной из главных героинь фильма будет – сама Ника... Этот совершенный крылатый образ в белом сияющем одеянии. Правда, надо бы вернуть ей пояс, которым она перевязала после боя мою раненую руку...

– Э-эй! Парень, ты чего? – напугался Григорий Маркович.

– Не беспокойтесь, всё хорошо. Я размышляю над художественным образом. Только вот где я найду актрису с божественными глазами?

Вопрос повис в воздухе.

– Давай устроим кастинг! – бодро предложил щеголеватый дедуля.

И они опять засмеялись.

Так началась их совместная деятельность. Григорий Маркович очень быстро организовал финансовую и рабочую группы. Спустя некоторое время, компаньонам удалось официально зарегистрировать музей – квартиру скульптора В.С. Тминова. Деньги Григория Марковича волшебным образом открывали все двери. Друг Вениамина Саввича даже слегка перестарался: он выкупил не только квартиру с мастерской, но и весь последний этаж в старом московском доме, где позже был сделан качественный ремонт.

На торжественное открытие пришло много гостей, среди них были и художники, и скульпторы, и известные общественные деятели, которые посчитали своим долгом лишний раз «засветиться», участвуя в таком благом деле, как сохранение исторической памяти о талантливом скульпторе, жертве «сталинского» режима и просто настоящем человеке. Эдик, а вернее, Эдуард выглядел очень взрослым и серьёзным, давал интервью о своей семье, о начале съёмок художественного фильма, о чудесной встрече с другом деда – французским бизнесменом Григорием Марковичем – и, наконец, о кастинге, целью которого является поиск молодой талантливой актрисы на роль Ники Самофракийской, которая, по мысли сценариста, в фильме оживает...

Эдик почти помирился со своими родителями, хоть и не принявшими деятельного участия в этих событиях, но всё же одобрявшими всё, что делает их «непутёвый» сын.

За несколько дней Эдуард стал знаменитым как талантливый внук своего талантливого деда и весьма преуспевающий предприниматель. Теперь он – директор музея-квартиры деда и единственный распорядитель его художественного наследия, а также – подающий надежды киносценарист и режиссёр.

Надо сказать, что о его существовании сразу почему-то вспомнили и обрывают теперь телефон все его бывшие «друзья»: и Катюха, ставшая банщицей в элитной бане Москвы, и Маринка – завмаг «сексшопа», и Серёга, отсидевший за мошенничество, и Антон с Гришкой, образовавшие «семейную» пару, и Саня, ударившийся в пьянство, и Ирочка со Светочкой, ставшие любимыми «жёнами» известного банкира... В общем, у всех жизнь удалась...

Эдик несколько устал от неожиданно свалившейся на него популярности и как-то утром, отменив все встречи и взяв всё ту же старую книгу неизвестного автора, сел на электричку и поехал по одному адресу в пригород столицы.

Дело в том, что к нему по телефону обратилась одна престарелая женщина с запутанным рассказом о какой-то личной вещи Вениамина Саввича и с настойчивым предложением срочно приехать. Но Эдик закрутился и совершенно забыл об этом разговоре. Однако вскоре пришло сообщение, что эта старушка умерла и оставила именно Эдику всё своё незамысловатое наследство. Эдик, конечно, весьма удивился.

И вот он уже сидит в электричке и рассматривает оттаявшие весенние пригорки... Так несуетливо и неспешно течёт за окном жизнь. Кое-где уже желтеет мать-и-мачеха, как-то иначе светит полупрозрачное молчаливое солнце... Эдик дочитывает безымянную книгу...

«И только поистине сильный человек, с мощным духовным стержнем способен не распасться на части, не утонуть в бурной реке жизненных передряг. Только человек, осознающий неразрывное единство с историей своего рода и хранящий уважительную память о предках своих, может смело смотреть в глаза настоящего, ибо не стыдно ему будет за дела и мысли свои, потому как совесть его чиста и подобна роднику, к которому всякий путник преклонит колени и испьёт воды, утоляя жажду свою, и станет ему легче, и сил у него прибавится, и пойдёт он своей дорогою светло и радостно. Потом и детей позовёт к роднику этому, и напоит их, и слово доброе молвит... И поверят ему дети, и захотят быть такими же... Да не иссякнет родник сей! Теперь обращаюсь только к тебе, любимый внук мой...»

Но на этой фразе книга обрывалась, потому что не было у неё нескольких страниц и обложки.

– Странно... – произнёс Эдик. – Кто-то обращается к внуку своему, значит, эта книга специально для него и написана...

В момент этих размышлений электричка остановилась, и Эдик вышел на станции. Спросив у местных жителей, как добраться до нужной деревни, путник бодро зашагал по песчаной дороге. Над

ним плыли куда-то несерьёзные облака, на кустах сидели и «переговаривались», как бабки на базаре, чудаковатые воробьи...

Эдик вдыхал ни с чем не сравнимый аромат ранней весны, и ему казалось, что он растёт весь и сразу, становится совсем большим и прозрачным, заполняя собой всё: и эту песчаную дорогу, и это небо с несерьёзными облаками, и даже чудаковатых воробьёв, похожих на базарных бабок.

– Отчего так? – подумал Эдик и вдруг увидел небольшую деревушку, вошёл в неё и на взгорке заметил нужный номер дома с красной звездой на двери, к которой была привязана чёрная траурная ленточка.

И тут Эдик сразу сделался маленьким-маленьким, совсем обычным человеком и перестал заполнять собой всё. Он приблизился к двери и вошёл внутрь.

Запахло пустотой. Бревенчатая изба тихо умирала вслед за своей хозяйкой. На окне паучок свил красивую паутину и уже поймал в неё жирную муху... Та ещё трепыхалась...

– А смысл? – спросил Эдик, и муха сдохла, будто согласившись с незнакомцем.

Никаких вещей в доме не осталось, лишь на старом, покосившемся столе лежала коробочка. Почему-то Эдик сразу догадался, что она для него... Он открыл её, но коробка оказалась пустой.

– И что дальше? – спросил сам себя Эдик, выходя во двор.

– Вы, наверное, Эдуард? – предположил кто-то рядом.

– Наверное... – как-то неуверенно ответил Эдик и оглянулся.

– Эту коробку Матвеевна хотела передать вам лично, но не успела,

– немного окая, проговорила запыхавшаяся женщина. – А я соседка, так уж всё про неё знаю.

– А почему эту коробку она хотела отдать именно мне?

– Она говорила, что её надо отдать молодому мужчине по имени Эдуард, вот и адрес ваш оставила, – как бы оправдываясь, отвечала женщина.

– Странно...

– Может, она как-то вас заочно знала?.. Дело в том, что она много лет назад в Москве жила, и случилась у неё там какая-то грустная история... Любила она сильно какого-то не то художника, не то архитектора...

– Может, скульптора? – вдруг предположил Эдик.

– Точно, скульптора! Она даже, говорят, была его натурщицей. Он с неё какую-то свою известную скульптуру слепил... А я её, бывало, спрашиваю, что, мол, она замуж не выходит (ведь сватались к ней не раз), так она непременно отвечала, что таких, как Веничка, нету больше на свете, но он женат...

– Как вы сказали? Веничка?! – окончательно утвердившись в своём предположении, переспросил Эдик.

– Да, да... Веня.

Эдик промолчал, еле сдерживая эмоции, поняв, что случайно узнал чужую тайну.

– Вы сами-то кто будете? – неожиданно спросила женщина.

– Я – внук Вениамина Саввича, – спокойно ответил Эдик.

– Неужели?! – всплеснула руками собеседница.

– Покажите мне могилу вашей соседки, – попросил Эдик.

Они пришли на кладбище. На деревянной дощечке свежей могилы Эдик прочитал надпись «Слободкина Ника Матвеевна»...

Стемнело, когда Эдик почти добрался до железнодорожной станции. Вдруг его остановили трое изрядно выпивших мужчин бомжеватого вида.

– Ты кто такой? – спросил невнятно один.

Эдик промолчал и попытался их обойти, но не тут-то было.

– Видали? Он ещё и разговаривать не хочет! – пробубнил возмущённо второй. – Счас тебя Костик научит вежливости! Костик, научи дядю вежливости!

Костик выдвинулся вперёд и попытался притянуть Эдика за воротник куртки. Эдик резко его оттолкнул – тот упал, выругавшись матом.

Собутыльники набросились на Эдика и попытались его избить.

– Да пошли вы, пьяная свора! – заорал он и стал остервенело их разбрасывать.

Это оказалось не таким уж сложным занятием. «Костик» так и не смог подняться, а двое других получили по голове довольно увесистой деревянной коробкой и тоже повалились на землю.

Эдик, естественно, не стал дожидаться, пока те оклемаются и, подобрав коробку, из которой из-за удара что-то вывалилось, побежал к вовремя подоспевшей электричке и нырнул в дверь. Пока хулиганы чухались, он уже был в безопасности.

– Молодой человек, вы что, бежали от кого-то? – заботливо спросила толстая «дачница».

– Спортом занимаюсь, – нелюбезно ответил он и стал рассматривать «что-то», вывалившееся из коробки.

Это оказалось книгой, но книгой неполной: в ней были только обложка и несколько первых и последних страниц. И что-то Эдику в этой книге показалось до боли знакомым. Он пристально всмотрелся в полустёртое название и медленно прочитал вслух: «Автор... *В.С. Тминов*. Название... «Дневники». Ага... Вот есть и посвящение: *Моему любимому внуку сей труд посвящается...* И в скобках – примечание: *для личного пользования...*»

Эдик замер. Потом вытащил из кармана «безымянную» книгу, которую он уже несколько лет потихоньку читает, и с точностью сапёра вставил её в обложки.

– Совпало! – воскликнул Эдик. – Это же книга моего деда! Это же он её для меня написал! А я, дурак, и не понял! – восторженно сообщил он это открытие толстой дачнице. Та, помня его нелюбезность, не реагируя, пялилась в тёмное окно, за которым мелькала вереница фонарных огней.

Но Эдик, не обращая внимания на её равнодушие, продолжал радоваться своей находке:

– Значит, всё это время, когда мне было так трудно, когда я не мог найти ответы на многие вопросы, дед был со мной и через книгу давал мне советы, учил меня, наставлял на путь истинный!

Эдик открыл книгу на той странице, где раньше была неоконченная фраза... Теперь он мог дочитать её до конца:

«Теперь обращаюсь только к тебе, любимый внук мой... Коли ты дочитал эту книгу, то значит, прошёл и лес, и пустыню, и горный камнепад, и бурную реку, а теперь перед тобой – бескрайнее море... Бесконечное море твоей повзрослевшей души, которая окрепла, закалилась и способна творить чудеса... Когда ты был ещё совсем мальчиком, я понял, что ты – в нашу породу, что именно ты будешь продолжать род Тминовых. Именно ты, внук мой, имеешь наш, «тминовский» характер, а значит, не сломаешься, выстоишь, не уподобишься трусливой и беспринципной мрази, завистникам и лжецам, предателям и клятвопреступникам! Но не думай, что ты теперь всё можешь, нет! Это великое заблуждение. Ты можешь только то, что тебе позволяет Господь. А позволяет Он тебе, по-видимому, многое, значит, и спросит больше, чем с других. Знай это и не гордись заслугами своими, ибо нет их, заслуг-то, а есть обычная, каждодневная работа – быть настоящим человеком. Учи и детей своих по-людски жить, а значит, и по-божьи, ибо человек создан по образу и подобию Бога.

На этом прощаюсь с тобой, Эдинька, и знаю, что не встретимся мы в жизни этой... Дни мои сочтены... Но я не жалею ни об одном мгновении моей в общем-то вполне счастливой жизни... Ибо счастье человека – это бескрайнее море его души.

Прощай.

Твой дед

Вениамин Тминов».

Эдик закрыл прочитанную книгу, глаза его были полны слёз. Ему вдруг почудилось, что времени нет... И нет этой толстой дачницы, и этой ночной гроыхающей электрички, и этой вереницы фонарных огней... Что он – обычный мальчишка с развевающимися во все стороны «итальянскими» кудрями... Что вокруг – зелёные-зелёные деревья и синее-синее небо, а рядом –

большой и громкий дедушка... Который подхватывает его на свои огромные руки, подбрасывает вверх и кружит, кружит, приговаривая смеющимся и кашляющим голосом:

– Эдюнь! Вот мы с тобой без крыльев, куда нам... А моя «Ника» летает... Мы с тобой – из дому, а она откроет окно, взмахнёт крыльями и – айда, прямо в небо! Мало ли у Ники забот! Прежде, чем мы дверь ключом откроем, так она возвращается и на своё место – прыг! Умница-разумница встанет и замрёт!

– Деда? Как ты это знаешь? – спрашивает внук.

– Секрет... – отвечает Вениамин Саввич и хитро улыбается. И Эдик мчится домой вперёд всех, осторожно открывает дверь и на цыпочках пробирается в мастерскую... А Ника Самофракийская – тут как тут! На своём прежнем месте!

– Наверное, завтра полетит, – с надеждой предполагает он и бежит в гостиную. А там – вся семья уже в сборе. Звучат громкие разговоры, смех, и впереди – вся жизнь...

Но куда-то летит ночная электричка...

Прибыв в Москву, Эдик продолжает заниматься поиском молодой актрисы на роль Ники.

Кастинг проводится съёмочной группой прямо на сценической площадке, в музее-квартире Тминова...

С утра этого дня в образе Ники Самофракийской побывало множество известных и малоизвестных актрис.

– Всё не то! – бесконечно повторяет Эдик. – А вы как считаете, Григорий Маркович?

– Увы, мой друг... Я тоже пока не вижу нужный типаж...

– Что будем делать? Мы уже, кажется, все театры облазили...

– Мда... – протянул меценат проекта. – А что, если нам подбирать непрофессиональную актрису, а просмотреть всех желающих... И пусть она не будет говорить.

– Как это? – переспросил Эдик.

– Так! Где это ты видел, чтоб статуи разговаривали? – пошутил Григорий Маркович.

– А что?.. Это идея! Пусть она... танцует... Летит, что называется, в танце, – поддержал неожиданную идею Эдуард.

Съёмочная группа тоже выразила одобрение.

– Я, кажется, знаю, как это надо снимать! – высказался оператор и весьма оживился.

– Итак, ищем танцующую девушку, обликом похожую вот на эту красавицу! – призвал всех Эдик и с любовью погладил по крыльям «Нику», занимавшую центральное место в декорациях к фильму.

Три дня кастинг не приносил необходимого результата. Эдику всё не нравилось.

– Здесь нужна не только лёгкость и грациозность, но и страсть к победе, это же Ника! А у вас какие-то жалкие импульсы почувств! – уже почти кричал режиссёр. – Где ваша энергия? Жажда свершений? Где лучезарно-неземной блеск глаз? Она же всё-таки богиня, а не продавщица кваса!

Эдик негодовал, обращаясь уже к другой претендентке:

– Всё не так! Постарайтесь бросить на меня неземной взгляд! – приказал он.

Девушка, уже весьма уставшая от «издевательств» режиссёра, напряглась и постаралась одарить Эдуарда «неземным» взглядом.

– И это был взгляд богини? Я сейчас застрелюсь! Извините, сударыня, но сейчас вы посмотрели на меня так, будто хотите провести со мной ночь! Пойдите прочь! – крикнул он вслед уже убегающей, расстроенной танцовщице.

– Это безнадёжно! – констатировал Эдик, рухнув в плетёное кресло деда и закрыв лицо руками.

– Современные женщины окончательно потеряли представление о божественном совершенстве... – сокрушался Григорий Маркович.

Воцарилось молчание, которое нарушил бой напольных часов... Откуда-то зазвучала приятная музыка... Участники «безнадёжного» проекта встрепенулись и, недоумевая, посмотрели на появившуюся в проёме двери изящную, но, вместе с тем, статную женскую фигурку в бело-розовом длинном хитоне... Она не вошла, а будто впорхнула в гостиную и начала танцевать...

Эдик очнулся от небытия и упёрся глазами в появившийся образ... Незнакомка с длинными вьющимися волосами перемещалась по комнате совершенно бесшумно. Музыка становилась всё громче и громче, и вот она уже заполняет собой бытие этого нескончаемого дня... А девушка кружится и кружится, легко подпрыгивая и будто зависая в полётё, как на стоп-кадре.

– Кто это? – тихо спросил Эдик у гримёра.

– Понятия не имею... Её, кажется, не было в списке, – недоумевал тот.

В этот момент музыка достигла кульминации, и девушка, сделавшая в воздухе какое-то замысловатое па, плавно опустилась на паркет и замерла, слегка откинув назад трепещущие руки, подобно крыльям, и бросив на Эдика неподражаемо-искромётный взгляд нереально красивых глаз.

Эдик даже вскочил в порыве какого-то странного предчувствия. И в этот момент то ли от ветра, то ли от накала необъяснимых эмоций окно в холл с шумом распахнулось – и все полотнища тканей всколыхнулись одним изумлённым волнением.

– Ника... – пронеслось по залу.

– Кто ты?! – осторожно произнёс Эдик.

Девушка продолжала загадочно молчать, слегка улыбаясь режиссёру.

Эдик поймал себя на мысли, что почти не видит её лица, и стал подходить ближе.

– Ника, – спокойно ответила она.

Киношники будто умерли.

– Отец называет меня Вера, а моё полное имя – Вероника.

И тут Эдик прозрел:

– Вероника?! Вера?! Это ты... Та самая девушка на скамейке?!

– Та самая... Но теперь, Эдик, я абсолютно здорова и снова могу танцевать!

– Нет... Это какое-то чудо! – воскликнул Эдик, беря Веру за руку и осматривая с ног до головы.

– И это чудо сделал ты... – тихо добавила девушка.

– Как это? – глупо улыбаясь, спросил Эдик.

– Познакомившись с тобой, я поняла, что хочу жить... Хочу жить полноценной жизнью... И я поставила перед собой цель, цель всей своей жизни! Помнишь, прощаясь, я сказала тебе об этом?

– Да, да... – судорожно вспоминал Эдик.

– Так вот, – продолжала Вера, искрясь в лучах солнца. – Мы с отцом уехали за границу, и в одной из лучших клиник мне сделали очень сложную операцию. Я училась заново ходить, а потом и танцевать... Было очень больно! Но, вспоминая тебя, я преодолевала боль. Ну и, конечно, со мной всегда был мой замечательный отец... Если бы не он, не знаю: жива ли я была бы сейчас... – девушка неожиданно замолчала, так как из-за толпы людей вышел абсолютно поседевший, но бесконечно счастливый отец Вероники.

– Не волнуйся, я с тобой, – чуть стесняясь, произнёс он.

Воцарилось молчание, а потом зал взорвался аплодисментами.

– Это триумф!!! – кричали все, обнимая друг друга.

– Это – Победа!! – взволнованно проговорил Эдик, обнимая Веру и её отца.

– Это – Ника!! – воскликнул Григорий Маркович.

– Ты будешь сниматься в моём фильме! – однозначно заявил Эдик.

И тут начался такой шум и хаос, что сложно было понять, кто что говорит, кто куда бежит и кто что делает, – всё пришло в движение. Оператор стал примеряться, с какого ракурса он будет снимать, костюмер нашла какое-то «жуткое» несоответствие в хитоне Вероники и побежала за какими-то лентами, осветители стали мигать прожекторами, ослепляя всех... И только два человека оставались практически неподвижны, кажется, ничего не замечая... Они застыли, как гипсовые изваяния, на фоне открытого, пахнущего весной, окна...

– Вер, ты представляешь? Именно сегодня, за минуту до твоего появления, вдруг пошли старые дедовы часы... Они молчали со дня смерти деда, – сказал Эдик, не выпуская ладони девушки из своих рук.

– Я очень... Очень счастлива... – прошептала она и прижалась к его плечу.

Он обнял её нежно и поцеловал в покрасневшие от волнения губы.

– Теперь я не похожа на мороженое? – немного смутившись, спросила Вера.

Эдик лишь загадочно улыбнулся, понимая, что от счастья начинает плохо соображать, и снова поцеловал девушку.

– Вера, я понял, что люблю тебя, – замирая от важности своих слов, признался он.

– Когда ты это понял? – тихо спросила Вероника.

Эдик задумался, а потом с улыбкой ответил:

– Когда смотрел на бабочку...

Девушка вопросительно молчала, но разъяснений не требовала.

Разговор влюблённых никто не слышал... Почти никто...

Величественная и грациозная, распахнувшая стремительные крылья, Ника Самофракийская с еле заметной улыбкой победоносно смотрела на всех с недостижимой, божественной высоты.